ПРОБЛЕМА ВСТУПЛЕНИЯ В ЕС БАЛКАНСКИХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОЙ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

БЭДЭРЭУ Елена,
Доктор экономических наук, доцент,
Государственный университет Молдовы

Аннотация

Автор рассматривает аксиологические, идейные и психологические аспекты присоединения постсоциалистических стран к ЕС, а также анализирует конкретные внешнеполитические проблемы, связанные с этим процессом, и роль региональных международных организаций в «европеизации» Балкан и в урегулировании все еще сохраняющих остроту этнических и межгосударственных конфликтов в регионе. Негативные тенденции, прежде всего усиление популистских настроений и приход к власти отражающих эти настроения политиков, представляют собой угрозу для Евросоюза.

Ключевые слова: *аксиологическая модель, ценностные ориентиры, Копенгагенские критерии, Восточная Европа, Юго-Восточная Европа, Балканы, Западные Балканы, идентичность, европейская цивилизация.*

THE PROBLEM OF ACCESSION OF THE BALKAN COUNTRIES TO THE EU IN THE CONTEXT OF THE VALUE MODEL OF THE EUROPEAN UNION

Annotation

The author examines some axiological, ideological and psychological aspects of the accession of post-socialist countries to the EU, as well as analyses specific foreign policy problems associated with this process and the role of regional international organisations in the "Europeanisation" of the Balkans and in the settlement of ethnic and interstate conflicts in the region, which are still acute. Negative trends, primarily the strengthening of populist sentiments and the rise to power of politicians reflecting these sentiments, pose a threat to the European Union.

Key words: *axiological model, values, Copenhagen criteria, Eastern Europe, South-Eastern Europe, Balkans, Western Balkans, identity, European civilisation.*

Современный Европейский союз – глобальный центр силы нынешнего миропорядка и, в номинальном выражении, вторая совокупная экономика мира; численность граждан ЕС составляет около 500 млн человек [1]. На основании Маастрихтского (февраль 1992 г). и Лиссабонского (декабрь 2007 г.) договоров ЕС квалифицируется как международная наднациональная и межправительственная организация. Председатель Европейского совета Шарль Мишель в своем выступлении в декабре 2020 г. заявил, что ситуация в ЕС является безусловно обнадеживающей [2]. Он сообщил, что в ходе регулярных встреч руководство в Брюсселе разработало краткосрочную и долгосрочную стратегии ЕС, в которых – подчеркнем это – важное место занял регион Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья (Балканы) [2]. Развитию стратегии ЕС на Балканах были целиком посвящены другие саммиты Евросовета (в частности, октябрьский саммит 2020 г.). Балканская стратегия вписывается в общую стратегию Евросоюза, определяемую семилетним бюджетным планом ЕС на 2021 2027 гг. Нынешний бюджетный план предусматривает, в частности, разработку определенных направлений политики по климату и стандартов зеленого финансирования,

что будет способствовать экономическому росту, созданию рабочих мест и конкурентных преимуществ, а также определяет конкретные меры по борьбе с распространением COVID-19 [3]. На данный момент Евросоюз сохраняет решимость (и имеет возможность) и далее позиционировать себя в качестве монолитного глобального центра силы. Но государства, регионы, ведущие мировые игроки, одним из которых, по нашему мнению, является единая Европа, сегодня характеризуются не только (и даже не столько) экономической успешностью или политической стабильностью, но и привлекательностью, и степень привлекательности Евросоюза определяется стремлением целого ряда стран присоединиться к данному интеграционному проекту. Причем привлекательность единой Европы можно охарактеризовать прежде всего с аксиологических позиций, рассматривая ценностную модель Евросоюза. При этом во внешних отношениях ЕС способствует продвижению своих ценностей и интересов, согласно ст. 3 Лиссабонского договора [4]. Не случайно уже с момента возникновения Общего рынка народы целого ряда государств старой Восточной Европы стремились вступить в ЕЭС/ЕС. ЕС основан «на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Эти ценности являются общими для государств членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, не дискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин» (ст. 2 Лиссабонского договора [4]). Западноевропейская шкала ценностей легла в основу так называемых Копенгагенских критериев (acquis communautaire, условия вступления в Евросоюз), принятых в июне 1993 г., которые включают в себя: рационализм и здравый смысл, приоритет частной пользы, понятие свободы как ответственности, достоинство человеческой личности, создание пространства свободы, а также восприятие безопасности как недопустимости нарушения внутреннего личного пространства и свободы граждан; понимание суверенитета – прежде всего как проявления народного суверенитета, а справедливости – именно и только как соблюдения конкретных базовых прав граждан, но никак не абстрактной справедливости с позиции чьей бы то ни было выгоды, даже диктуемой обстоятельствами непреодолимой силы. Кроме того, в Копенгагенских критериях акцентируются базовые принципы конкурентности: конкурентное общество, конкурентные прозрачные выборы, конкурентная экономика участия [5]. При этом в основе осуществления власти в ЕС – разумное соотношение горизонтали и вертикали власти, консолидированное и конкурентное гражданское общество, низкий коэффициент Джини и связанные с этим низкие коррупционные показатели. Какие же внешние и внутренние угрозы сегодня нарушают стабильность и сущностную основу ЕС, воплощенную в формуле «единство в многообразии»? Какие глобальные процессы современного миропорядка препятствуют нормальному функционированию Европейского союза? Очевидно, что в эпоху постмодерна международные отношения не всегда можно оценивать по прежним стандартам: с позиций политического идеализма, политического реализма, или Realpolitik. В новой системе координат мировой политики геополитическую ситуацию в мире необходимо оценивать с учетом ее социокультурного и аксиологического измерения [6, 7], emotional studies, имагологического направления гуманитарного знания. Реконструкцией идентичности может стать гражданская идентичность, основанная на человекоцентричности, инклюзивной модели развития инклюзивных институтов [8], на

верховенстве закона. Изложенное выше дает основания утверждать, что в западных странах – основательницах ЕС в настоящее время идет процесс формирования западноевропейской корпоративной гражданской идентичности, основанной на осознании единства, общих социокультурных факторов и практик, и самости, который можно рассматривать в контексте социального конструктивизма А. Вендта [9]. В то же время внимательный анализ заставляет говорить о преобладании в Юго-Восточной и даже в Центрально-Восточной Европе иного вида идентичности – этнической идентичности (государственноцентричная модель, экстрактивная модель и преобладание экстрактивных институтов [8], родство по крови, почве). Стоит отметить и то, что процессы нациестроительства в западноевропейской модели социума проходили в контексте национальных государств, отсутствовавшем или почти отсутствовавшем на Востоке Европы. Сказанное может объяснить, почему многие государства Восточной и Юго-Восточной Европы, пытаясь следовать западным социально-экономическим рецептам и политическим стандартам, начинают демонстративно апеллировать к традиционализму в противовес вестернизации. Старая Восточная Европа, которая прежде воспринималась как «объект цивилизаторских усилий», в 2004–2013 гг. все-таки была интегрирована в Европейский союз. Но именно так называемое безграничное расширение Евросоюза в настоящее время порождает множество проблем в политике ЕС – в результате столкновения «идентичностей» Западной и старой Восточной Европы, – и эти проблемы разрастаются с непредсказуемой скоростью Стоит подчеркнуть, что так называемая европейская идентичность, о которой сегодня пишут многие эксперты, на самом деле вряд ли существует даже сейчас, к началу 2020-х годов, после продолжительного европейского интеграционного эксперимента – и едва ли может сложиться в обозримом будущем, если учитывать гражданскую идентичность стран Западной Европы и явно выраженную этническую идентичность стран старой Восточной Европы, мало совместимые между собой. Слабая совместимость Запада и Востока Европы именно на уровне идентичностей, без сомнения, стала одним из важнейших последствий безграничного расширения Евросоюза, – начиная с пятого расширения в 2004 г. и шестого – в 2007 г. Таким образом, учитывая институциональную слабость, совершенно разные ценностные системы, базовые представления, традиции населения стран старой Восточной Европы, а особенно Балканского региона, степень влияния османского наследия и травмированности в процессе исторического развития (поскольку роль травмы нельзя переоценить), следует констатировать несоответствие, неподготовленность региона к восприятию Копенгагенских критериев как аксиологической модели Евросоюза. Несомненно, что отголоски бури, ставшей итогом безграничного расширения, ощущаются и сегодня: зоны повышенной турбулентности оказывают не менее пагубное воздействие на стабильность в ЕС, чем миграционные волны, сотрясающие Евросоюз с конца 2014 г. Своеобразный и во многом непредвиденный эффект «усталости металла», возникший в итоге расширения, способствует созданию зон нестабильности в пространстве ЕС и в конечном счете снижает привлекательность Европейского союза как безусловно уникального интеграционного проекта. В последнее время Евросоюз придает большое значение поискам решения этой проблемы, но ввиду невысокой эффективности Дублинской конвенции (даже в рамках регламентов Дублин-II и Дублин-III), а также агентства Европейского союза по безопасности внешних границ Фронтекс, назвать их достаточно результативными пока нельзя. В то же время очевиден весьма негативный эффект от

наличия множественных миграционных потоков в пространстве ЕС, особенно в контексте столкновения идентичностей (тем более – в результате наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока и Магриба). Несомненно, что безграничное расширение ЕС напрямую спровоцировало такие острые кризисные явления, как усиление сепаратистских движений во многих странах ЕС, деволюция и новый популизм. Особое беспокойство лидеров и граждан ЕС вызывает укрепление позиций новых популистов, особенно правых, манипулирующих сознанием граждан ЕС и паразитирующих на негативных итогах безграничного расширения Евросоюза, проявляющихся из-за сложной ситуации на Балканах и миграционных успехов и неудач. Популисты не снизили свою активность и после выборов в Европарламент (май 2019 г.) в Германии, Австрии, особенно в Венгрии и Италии, провоцируя создание турбулентности в ЕС. Для стран ЕС и особенно для Италии – страны Средиземноморского региона, ближайшего соседа балканских государств и одного из трех ведущих игроков Евросоюза после завершения процесса Брекзита в 2020 г., – угрозы могут быть минимизированы при условии восстановления конкурентоспособности в после кризисный период и продвижения основных европейских интересов и ценностей. Приоритеты национальной безопасности средиземноморских стран, прежде всего стабилизацию «дуги нестабильности», соединяющей Западные Балканы с большим Средиземноморьем, следует рассматривать в совокупности с новыми приоритетами европейской политики.

Стоит указать также на необходимость преодоления вызовов и угроз, возникающих в европейском пространстве в связи с усилением нового популизма и сепаратизма, с одной стороны, и пропагандистскими лозунгами глобалистов, заявляющих гражданам Европы о конце национального государства, – с другой [10]. Очевидно, что проблема выбора – «Европа отечеств» или «Европа как отечество», – поставленная на заре интеграционного проекта Европейского сообщества в конце 1940-х годов, не имеет решения и сейчас. В числе приоритетов ЕС на данном этапе – тенденция к расширению Евросоюза именно в южном (юго-восточном) направлении, в частности на Балканах, с учетом возникновения новой «дуги нестабильности», протянувшейся от государств субрегиона бывшей Югославии (Косово) до Большого Ближнего Востока (Иран и Афганистан). Именно из этих областей сегодня исходят угрозы и риски для безопасности ЕС: незаконный оборот наркотиков и оружия, транснациональная организованная преступность, торговля людьми, зашкаливающая коррупция, нелегальная иммиграция, международный терроризм, несостоявшиеся государства, – все перечисленные угрозы частично исходят из Балканского региона, а частично используют Балканы как транзитную территорию [10]. Очевидно, что и народы Западных Балкан заинтересованы в том, чтобы интегрироваться в единое европейское измерение, что способствовало бы преодолению последствий войн, автократических режимов, расширению и развитию процессов внутриполитической стабильности и с течением времени привело бы к созданию эффективных институциональных систем, прежде всего правосудия и верховенства закона, помогло бы избежать усиления сепаратизма, национализма, роста популизма на Балканах, особенно в Сербии и в некоторых еще не консолидированных государствах, таких как БиГ и Республика Северная Македония, а также содействовало бы социально-экономическому развитию Балканского региона [10]. В противном случае балканские страны уже сегодня рискуют оказаться в зоне нестабильности и стать объектом геополитических амбиций ревизионистских государств Большого Черноморья и

Восточного Средиземноморья. В последнее время Средиземноморский регион претерпел значительные изменения, которые делают его особенно перспективным. Этому способствуют Барселонский процесс и политика соседства, основанная на перспективе экономической интеграции региона в целом и на политико-регулирующем подходе к европейским стандартам [10]. Программы ЕС для Средиземноморья в рамках Барселонского процесса (с 1995– 1997 гг.), безусловно, способствуют расширению сотрудничества средиземноморских стран ЕС и кандидатов в члены Евросоюза [10]. В ближайшие годы стратегические приоритеты ЕС (в особенности – Италии, которая является главным торговым партнером Сербии, Албании1, важнейшим торговым партнером Косова / Косовы и вторым по величине импортером, и экспортером Словении) в области региональной безопасности, скорее всего, будут направлены на стабилизацию и процессы интеграции в зоне Балкан и Юго-Восточной Европы в целом. При этом странам Евросоюза придется учитывать этнополитические конфликты в балканской зоне институциональной нестабильности, не разрешенные до сих пор после распада Югославии. Укрепление двустороннего стратегического партнерства Италии с Сербией и Албанией и диалог с этими двумя странами, инициированный в 2015 г., свидетельствует об интенсивности отношений между Италией и странами региона [11]. Вообще следует отметить, что еще с середины 2000-х годов МИД Италии уделяет большое внимание двусторонним связям страны с Западными Балканами [12], активно продвигая в Брюсселе переговорный процесс о присоединении к ЕС не только Албании, но также Черногории и Сербии. С середины 2018 г. (и особенно – с осени 2020 г.) интенсифицировались переговоры с Албанией и Северной Македонией о членстве в Евросоюзе1. Конкретные направления интеграции этих стран в ЕС изложены в «Документе по расширению ЕС в конкретной связи с переговорами о вступлении Албании и Республики Северная Македония» [13].

При этом высокие договаривающиеся стороны ссылаются на резолюцию, принятую по этому вопросу в Брюсселе 25 марта 2020 г. [5]. Определение статуса Косова и осуществление мер по контролю за неустойчивой ситуацией в Боснии и Герцеговине могли бы способствовать углублению процессов стабилизации в регионе в среднесрочной и долгосрочной перспективе, тем более что после событий в Косове Италия объявила Балканы зоной своей «ответственности» в рамках НАТО и поддерживает процесс сохранения безопасности и стабильности в регионе посредством участия в группе неформального диалога на Балканах QUINT вместе с США, Великобританией, Францией и Германией. Очевидно, что цель этого диалога – поощрять путь европейской ориентации балканских стран.

Руководство Италии внимательно относится к региональному измерению своей внешнеполитической деятельности, в том числе посредством активного участия в инициативах CEI (Центральноевропейская инициатива) и AII (Адриатико-Ионическая инициатива). Таким образом в настоящее время руководство Евросоюза последовательно проводит курс на постепенную интеграцию Албании, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины, а в перспективе – Сербии и Косова в НАТО и Европейский союз, исходя из стратегических интересов ЕС. В дополнение к действиям по перезапуску Центральноевропейской инициативы и Адриатико-Ионической инициативы Италия еще в ноябре 2014 г., во время своего председательства в Совете ЕС, способствовала продвижению Стратегии ЕС для Адриатико-Ионического региона, а также, как уже

отмечалось выше, возобновлению переговоров о вступлении в Евросоюз Сербии, Албании и Северной Македонии: с осени 2018 г. эти переговоры стали проводиться на регулярной основе.

Тем не менее очевидно, что существует необходимость выстраивания более продуманной политики в Балканском регионе со стороны всех стран ЕС, а также ООН и НАТО с целью минимизировать вышеупомянутые вызовы, угрозы и риски. При этом стоит учитывать, во-первых, определенное смещение ракурса в геополитических ориентирах США в Средиземном море и, во-вторых, последовательно проводимый руководством России курс на расширение российского присутствия в регионе, который оно считает зоной традиционного (и привилегированного) российского влияния. В настоящее время это проявляется в осуществлении энергетической политики РФ, в росте прямых инвестиций в регион и, наконец, в увеличении числа межгосударственных и межправительственных контактов, обусловленных (в известной степени демонстративно) культурной и религиозной близостью, в частности с Сербией [10 p. 57]. Именно в таком ракурсе следует рассматривать визиты Сергея Лаврова 14–15 декабря 2020 г. в Сербию, страну – традиционного партнера РФ. При этом вызывает определенное недоумение декларация С. Лаврова, который (в конце октября 2020 г.) выразил озабоченность в связи с ускорением, по его мнению, «дезинтеграционных процессов в ЕС» [14]. А в ходе визита в Хорватию (в декабре 2020 г.) впервые со времени известного охлаждения отношений между двумя странами после вступления Хорватии в НАТО (2009) состоялись переговоры С. Лаврова с министром иностранных и европейских дел Хорватии Горданом Грличем Радманом, квалифицируемые внешнеполитическим ведомством РФ в целом как успешные. Правда, были отмечены противоречия сторон по уточнению Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине в 25-ю годовщину их заключения, в связи с чем С. Лавров недвусмысленно заявил, что соглашение о мире в БиГ не нуждается в пересмотре [15]. Что же касается отношений с Евросоюзом в контексте политики его расширения на Балканах, то в конце 2020 г. МИД РФ неоднократно указывал на «неспособность Евросоюза адекватно оценивать ситуацию в мире», на «деградацию отношений России и ЕС», а также на «пагубную политику Союза, ведущую к его “маргинализации”» с возможностью «стать одной из арен американо-китайской конкуренции» (цит. по: [16]). Таким образом, очевидно, что стремление Балканского региона к интеграции с ЕС – с учетом снижения влияния России в регионе Юго-Восточной Европы – встречает непонимание и вызывает раздражение руководства РФ. Не стоит забывать, сколь сильное раздражение Кремля вызывало постепенное расширение ЕС за счет старой Восточной Европы с начала XXI в., притом, что инициатива вступления в Евросоюз принадлежала отнюдь не руководству ЕС, а именно государствам бывшей Восточной Европы. Действительно, призыв первого президента Чехословакии Вацлава Гавела «Назад, в Европу!», озвученный им уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов, отражал стремление этих стран к «возврату в Европу», с чем их лидеры и большинство населения связывали надежды «на лучшую жизнь и на искоренение негативных черт авторитарных и тоталитарных режимов» [17]. А после ликвидации Варшавского договора в начале июня 1991 г. последовал еще один призыв Гавела – «не потерять исторический шанс обновления Средней Европы, политического феномена, который будет приближаться к Западной Европе» [18, с. 120]. Тем самым перед ЕС встала крайне сложная задача налаживания взаимодействия со странами, стремившимися «возвратиться» в Европу. Все

вышеизложенное позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать дальнейшее сползание взаимодействия ЕС– РФ от реального сотрудничества к уровню информационных войн. Но возникновение новых разделительных линий и нового «железного занавеса» чревато новыми угрозами как для России, так и для Евросоюза и в целом для всей системы европейской и международной безопасности. И эти угрозы в силу своей непредсказуемости уже сегодня представляют еще бóльшую опасность для всех игроков.

Библиография:

1. Unione Europea: Lessico del XXI secolo / Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani. – Roma, 2013. – Mode of access: https://www.treccani.it/enciclopedia/unione-europea_(Lessico-del-XXI-Secolo)
2. Report by President Charles Michel at the European Parliament on the European Council / European Council. – Brussels, 2020. – 10–11.12. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/ 16/report-by-president-charles-michel-at-the-european-parliament-on-the-eu ropean-council-of-10-and-11-december-2020
3. Multiannual financial framework for 2021–2027 adopted / European Council. – Brussels, 2020. – 17.12. – Mode of access: https://www. consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/17/multiannual-finan cial-framework-for-2021-2027-adopted
4. Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) в редакции Лиссабонского договора // Информационно-правовой портал Гарант. – Лиссабон, 2007. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2566557/
5. Conclusions of the Presidency / European Council. – Copenhagen, 1993. – 21–22.06. – 46 p. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/ ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/72921.pdf
6. Валлерстайн И. После либерализма. – М. : URSS, 2018. – 264 с
7. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 584 с
8. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. – М. : АСТ, 2017. – 694 с
9. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: Открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – М., 2014. – Т. 15, № 1 (14). – С. 4–21
10. Rapporto 2020: Le scelte di politica estera / Unità di analisi e di programmazione; Gruppo di riflessione strategica. – Roma, 2020. – 102 p. – Mode of access: http://www.astrid-online.it/static/upload/protected/Rapp/ Rapporto2020-SCELTE-POLITICA-ESTERA.pdf
11. Summit di Trieste dei Balcani Occidentali: Dichiarazione della Presidenza italiana / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – Roma, 2017. – 07.12. – Mode of access: https://www.esteri.it/ mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/trieste-western-balkan-summit-declaration.h

12. Rapporti bilaterali Italia-Balcani / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – Roma, 2014. – Mode of access: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/balcan
13. Video conference of European affairs ministers / European Council. – Brussels, 2020. – 17.11. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/gac/2020/11/17/
14. Глава МИД Сербии высоко оценил сотрудничество с Россией // РИА Новости. – М., 2020. – 15.12. – Режим доступа: https://ria.ru/ 20201215/serbiya-1589375310.htm
15. Юранец А. «Осталось мало ненатовских стран»: Как Лавров съездил на Балканы // Газета. ru. – М., 2020. – 16.12. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/16_a_13402406.shtml
16. Заквасин А., Комарова Е. «Неадекватно оценивают ситуацию»: Почему санкционная политика ЕС в отношении России зашла в тупик // RT. – М., 2020. – 28.10. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/ 796897-lavrov-sankcii-evropa-navalnyi
17. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А.А. Языковой. – М. : Весь мир, 2007. – 352 с.
18. Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. – М. : Весь мир, 2010. – 564 с.